

Глава 4

Завидев робкого, незнакомого слугу, растерявшегося от блеска и величия гостей, Хань Чжо — нынешний глава дома Хань — недовольно поморщился.

Всё же он был вельможей первого ранга, умудрённым опытом и повидавшим немало на своём веку. Из-за такой безделицы герцог и бровью не повёл. Лицо его осталось бесстрастным, лишь голос зазвучал чуть строже:

— Из какого ты двора? Кто позволил тебе являться сюда столь неподобающим образом?

Сказав это, он украдкой скользнул взглядом по лицу своего младшего брата, Хань Шу — главы второй ветви семьи.

Сегодня в герцогском поместье праздновали торжество. Гости, которых лично развлекал Хань Чжо, сплошь состояли из высших сановников империи, а присутствие пятого принца, Цзи Хуая, делало этот день ещё более знаменательным. Какая бы беда ни стряслась во внутренних покоях, решать её следовало за закрытыми дверями. Поместью Хань не пристало выставлять грязное бельё напоказ и становиться посмешищем для праздных кумушек.

Именно поэтому Хань Чжо даже не спросил о случившемся, а лишь указал на дерзость слуги. Хань Шу, разумеется, мгновенно уловил мысль брата. В обычные дни они могли плести интриги и грызться за власть друг с другом сколько угодно, но перед лицом чужаков дом Хань обязан был казаться нерушимым монолитом.

Замысел вельмож был безупречен, да только напуганный паренёк оказался слишком глуп и неопытен, чтобы понять безмолвный приказ.

Услышав гневные слова хозяина, он, не дожидаясь, пока Хань Шу успеет вмешаться, с глухим стуком рухнул на колени. Парень судорожно сглотнул, пытаясь совладать с удушающим страхом, но лишь трясся всем телом, точно в лихорадке. Указывая дрожащим пальцем на северо-запад, туда, где располагались дальние дворы, он сквозь подступающие слёзы заикался:

— Господин... пощадите!.. Я... я из слуг наследника... Наследник... он... убил!.. Человека убил!

Хань Чжо гневно прищурился, но не успел он и слова промолвить, как Хань Шу шагнул вперёд и наотмашь пнул юношу в грудь, повалив его на каменные плиты. Лицо второго дяди побледнело от ярости, он грозно прикрикнул:

— Мерзавец! Что за чушь ты несёшь?! Всем известно, что наследник слаб здоровьем и едва дышит! Как он мог кого-то убить?!

Слуга поспешно вскочил на четвереньки и принялся неистово биться лбом о землю, не смея

больше вымолвить ни слова.

Старший брат лишь холодно наблюдал за этой сценой. В его душе шевельнулось ледяное презрение к Хань Шу. Подобное напускное рвение выглядело жалко и дёшево. Желай тот действительно замять дело, просто приказал бы страже без лишнего шума уволочь паникёра прочь. А эти театральные крики лишь разжигали любопытство гостей — неужели Хань Шу думал, что никто не разгадает его примитивной игры?

Даже если Хань Сиэня лишат титула наследника, у Хань Чжо подрастали другие сыновья от законной супруги. Второй ветви здесь ловить было нечего.

В этот момент со своего места донёсся смешок уездного князя Юна. Этот тучный, заплывший жиром вельможа славился своим пристрастием к плотским утехам и глупостью. Из-за разгульного нрава и неумения держать язык за зубами его недолюбливал даже сам император. Под его глазами залегли тёмные тени, а лоснящееся лицо выдавало глубокое пресыщение пороками. Лениво прищурившись, князь зевнул и небрежно бросил:

— Герцог Хань, дело, конечно, сугубо семейное, и чужакам совать нос в него не пристало. Однако ежели ваш наследник действительно пустил кому-то кровь, негоже покрывать его прямо у нас на глазах. Может, прогуляемся до места и поглядим, что там стряслось? Заодно и свидетелями выступим, дабы обелить честное имя вашего благородного дома.

Стоило знатному гостю подать голос, как остальные тут же загомонили и начали подниматься со своих мест. Одни искренне желали докопаться до сути, другие же жаждали зрелищ и надеялись разжиться сочным компроматом на могущественное семейство.

В этот момент в залу торопливо вбежал ещё один слуга из внутренних покоев. Он явно намеревался шепнуть весть на ухо хозяину дома, но, натолкнувшись на устремлённые на него десятки выжидающих взглядов, осёкся. Растерянно покосившись на дрожащего на полу товарища, новоприбывший замер, не решаясь заговорить.

Герцог сразу узнал в нём Вэнь Миня, личного слугу своего второго законного сына Хань Юэвэня.

— Что ещё? — ледяным тоном спросил Хань Чжо.

Вэнь Минь, парень неглупый и изворотливый, мгновенно сообразил, как преподнести новость. С почтительным поклоном он отчеканил:

— Господин, во внутренних покоях произошло нечто... непредвиденное. Служанка окружной княжны Вэньань не на шутку перепугалась. Его высочество пятый принц, молодые господа и благородные дамы уже поспешили туда. Наша госпожа вместе с супругами важных сановников сейчас изволят отдыхать в Южном саду. О безопасности юных барышень позаботились, однако госпожа опасается, что нерадивая прислуга может ненароком оскорбить именитых гостей, а

потому велела мне немедленно предупредить вас.

Из этих слов герцог тут же понял, что ситуация пахнет керосином. Будь дело пустяковым, госпожа Лю давно уладила бы всё сама, не привлекая лишнего внимания — в конце концов, авторитет Старой госпожи Хань в этом доме был непререкаем. Вэнь Минь говорил гладко, но подтекст был ясен: госпожа Лю и почтенные матроны благоразумно отступили, предпочтя не мараться, в то время как горячие молодые люди во главе с пятым принцем ринулись прямиком в эпицентр событий.

Мысли Хань Чжо лихорадочно метались, но лицо его по-прежнему напоминало застывшую маску. Лишь смутное, липкое предчувствие шептало, что контроль над происходящим окончательно утерян.

Его брат Хань Шу тонкостей интриги не уловил. Прослышав, что Цзи Хуай отправился вглубь поместья, он, бесцеремонно обойдя главу дома, напустился на слугу:

— Девки безголовые, как вы вообще за господами смотрите?! Его высочество принц — особа императорской крови! Случись с ним что, вы своими ничтожными головами за это ответите?!

Сянь-фэй давно присылала из дворца весточку: как только пятый принц достигнет совершеннолетия, его законной супругой станет старшая дочь Хань Шу, Хань Цинсюэ. Скрепить родственные узы браком между кузенами — благословение для всей семьи. Последние два года Хань Шу уже мнил себя тестем будущего зятя-принца. Услышав, что тот ввязался в опасное дело, и вспомнив слова первого слуги об убийстве, он не на шутку разволновался.

Стоявшие рядом вельможи наблюдали за братьями с едва скрываемой усмешкой, каждый делал свои выводы.

Хань Чжо бросил на суемящегося брата мимолётный холодный взгляд и спокойно произнёс:

— Что ж, раз так, мне самому любопытно взглянуть, кто посмел бесчинствовать в моём доме.

Даже сейчас герцог не спешил вешать вину на Хань Сиэня, безукоризненно разыгрывая роль любящего и справедливого отца, которую холил многие годы.

К этому моменту Цзи Хуай и толпа молодых дворян уже столпились у ворот дворика Душистых Орхидей. Его хозяин, Хань Сиэнь, небрежно прислонился к невысокой глинобитной стене ограды и безразличным взором встречал незваных гостей.

Кровь на каменных плитах перед входом уже успели наспех смыть — на их месте темнели лишь

влажные разводы.

Госпожа Лю и другие знатные матроны поначалу тоже поспешили сюда, но, едва завидев жуткую картину, хозяйка дома и её невестки из других ветвей тут же увели высокопоставленных дам подальше, устроив их в гостевых покоях. Но даже этой мимолётной заминки хватило, чтобы пара барышень разглядела происходящее и в ужасе закричала.

Большинство из тех, кто остался у ворот, видели молодого наследника впервые.

Хань Сиэнь стоял в поношенном чёрном халате. Измождённое, серое лицо его казалось обтянутым кожей черепом, на котором лихорадочным, неестественным блеском горели непомерно огромные глаза. В этом облике сквозило что-то пугающее, потустороннее — словно перед ними застыл выходец из загробного мира.

Рукав его халата был распорот; на предплечье зияла глубокая рана длиной в ладонь. Кровь лениво струилась по бледной коже и мерно капала вниз, пачкая подол и превращая сухую землю под его ногами в липкую чёрную грязь.

Хань Сиэнь лениво поморщился от ноющей боли. Его тонкие, истощённые пальцы, больше похожие на сухие кошачьи лапы, были густо измазаны багровой жижей. У его ног валялся окровавленный тесак, а рядом, содрогаясь от ужаса, жались к земле четыре служанки и пятеро слуг. Поодаль стояла огромная глиняная бочка.

Да, среди прислуги дрожала и Тао Яо. Сегодня она прокралась сюда тайком, желая всласть поглумиться над затворником, который вновь не осмелился явиться на торжество в честь Старой госпожи Хань, и насладиться его ничтожеством.

Впрочем, на слуг никто не смотрел. Внимание толпы намертво приковала к себе бочка, из недр которой раздавалось утробное, жуткое мычание. Все обитатели двора отлично знали эту женщину — то была Няня Дун. Она была туго скручена верёвками и не могла вымолвить ни слова, поскольку онемела от яда.

Хань Сиэнь равнодушно скользнул по ней взглядом. Нянька пыталась его прикончить, но просчиталась и поплатилась за это — в его душе не шевельнулось ни капли жалости.

Час назад, когда Би Хуа прибирала в покоях, Няня Дун, как обычно, вкрадчиво поднесла ему чашу с отваром. Глядя на тёмную жижу, Хань Сиэнь внезапно в лоб заявил, что зелье отравлено. Воспользовавшись секундным оцепенением старухи, он мёртвой хваткой вцепился в её челюсть и силой влил яд ей в глотку. В отчаянной попытке вырваться нянька выхватила припрятанный нож и полоснула его по руке.

Ранив хозяина, она бросилась наутёк, но её безумный бег прервал истошный визг дворовых девок. Крик этот мгновенно разнёсся по округе, точно пожар. Хань Сиэнь не торопясь вышел на крыльцо и застал картину, как слуги скрутили хрипящую старуху прямо у ворот. Он лично

связал её и втиснул в глубокую бочку. Яд сжёг няньке голосовые связки — зло вернулось к той, кто его сотворил.

Дворик Душистых Орхидей находился неподалёку от оживлённых переходов усадьбы, так что долго скрывать беспредел было невозможно. Визг служанок, обнаруживших кровавую сцену, созывал всё новые и новые толпы зевак... Что ж, именно этот подарок он так тщательно готовил для Старой госпожи Хань и всего герцогского дома. Сегодня здесь собрался весь цвет столицы. Отныне и вовеки этот день чёрным клеймом выжжется на репутации дома Хань.

Собственное имя, косые взгляды света и невозможность найти достойную партию для брака волновали его меньше всего. Однако ради собственного удовольствия он сделает всё, чтобы эти лицемеры не смели вычеркнуть его из семейного реестра. Пусть смотрят на него изо дня в день. Пусть дрожат от одного его имени, но не смеют коснуться даже пальцем.

Тишину нарушил робкий, прерывистый шёпот Би Хуа, стоявшей на коленях:

— Наследник... поберегите себя... Позвольте... позвольте мне перевязать вам руку...

Даже глухой расслышал бы, как у бедняжки от ужаса зуб на зуб не попадает.

Хань Сиэнь прекрасно знал, какая буря бушует в её голове, а потому лишь небрежно уронил короткое «мг». Девушка поспешно поднялась, достала чистый отрез полотна и принялась дрожащими руками бинтовать рану.

«Какое же это всё-таки благо — читать чужие мысли», — мысленно усмехнулся Хань Сиэнь.

У него не было верных людей. Ни одна живая душа в этом дворике не желала ему добра. И всё же стоило нащупать их потаённые кошмары и самые грязные желания, как эти крысы безропотно склоняли головы и выполняли любую его волю. Теперь становилось понятно, почему в прошлой жизни безумцы готовы были годами препарировать его тело ради крупницы этого дара.

Действия Би Хуа разорвали оцепенение, царившее во дворе. Десятки глаз заворожённо следили за каждым движением наследника. Сам же виновник торжества не обращал на толпу никакого внимания. Скользя взглядом по застывшим слугам, он ласково, почти нежно приказал:

— Переставьте бочку с Матушкой Дун к противоположной стене. Отныне пылинки с неё сдувайте и кормите лучшими яствами. Не дай бог кто-то выкажет ей неуважение — всё же она вскормила меня своей грудью.

У слуг подкосились колени. Им доводилось видеть, как господа наказывают прислугу, но чтобы калека-наследник самолично вершил расправу, невзирая на сочащуюся кровь... Да и

додуматься запихать человека в бочку мог только законченный безумец. Этот жуткий вид парализовал их волю. Кое-как поднявшись и цепляясь друг за друга, они, шатаясь от страха, подхватили тяжёлую бочку с мычащей старухой и поволокли её к указанному месту у ворот. Никто из них не смел поднять глаз на побагровевшее лицо няни, но и послушаться Хань Сиэня они боялись пуще смерти — малейшее промедление грозило им тем же деревянным пленом.

Проводив бочку взглядом, Хань Сиэнь тихо проговорил:

— Нянюшка, если раны будут сильно печь, ты вспомни наших тётушек — Мэй, Лань, Чжу и Цзюй. Стоит воскресить их в памяти, и боль сразу утихнет.

Эти четыре служанки некогда прибыли в поместье Хань вместе с Няней Дун. Тогда, после безвременной кончины матери Хань Сиэня, госпожи Ван, разгневанные родственники из дома маркиза Цзинго едва ли не силой заставили герцога принять этих женщин. Им было поручено оберегать Хань Сиэня и его сестру Хань Минчжу, родившихся раньше срока и бывших на волосок от смерти. Несмотря на протесты всей усадьбы, Хань Чжо тогда со слезами на глазах поклялся защитить сирот и оставил служанок во дворе.

Прошли годы. И теперь в поместье осталась лишь Матушка Дун, а имена Мэй, Лань, Чжу и Цзюй давно канули в небытие.

Услышав эти имена, или же от нестерпимой боли, а может, от запоздалого раскаяния, старуха в бочке задержалась в безумном порыве. Она хрипела и извивалась, но верёвки держали её намертво.

Пятый принц Цзи Хуай, выросший в роскоши императорских палат, и его спутники — отпрыски знатнейших семей столицы — никогда не сталкивались с подобным лично. Безусловно, смерть не была для них тайной. В тёмных углах богатых усадеб без вести пропадали рабыни и наложницы, и никто не проливал по ним слёз. Сам принц не раз отдавал приказы казнить шпионов среди евнухов и неверных служанок — человеческая жизнь в Запретном городе стоила дёшево. Но его собственные холёные руки оставались девственно чистыми. Ему достаточно было шевельнуть пальцем, чтобы чужие руки исполнили самую грязную работу.

Впервые в жизни он стоял так близко к живому воплощению человеческих пыток. Извращённая жестокость, с которой калечили несчастную старуху, вызывала у него тошноту. Ему было физически противно смотреть на Хань Сиэня, который с ледяным спокойствием взирал на дело своих рук. Воздух, пропитанный медным запахом крови, душил Цзи Хуая. Горло спазматически сжалось, но гордость не позволяла принцу показать слабость перед толпой.

Судорожно выдохнув, он перевёл взгляд с бьющейся в бочке старухи на Хань Сиэня и, расправив плечи, спросил едва заметно дрожащим голосом:

— Сегодня день рождения твоей бабушки... Зачем ты устроил это безумие?!

В этот момент толпа расступилась, пропуская разгневанного Хань Чжо и остальных старших вельмож.

Окинув взглядом кровавое побоище, герцог задрожал от ярости, а его глаза налились кровью. Шагнув вперёд, он взревел:

— Ничтожество! Что ты натворил?!

Хань Сиэнь медленно повернул голову к отцу. Он приподнял раненую руку, сквозь наспех наложенную повязку которой уже проступило уродливое багровое пятно, и звучно, так, чтобы слышал каждый присутствующий, произнёс:

— Неужели отец и второй дядя уже прослышали о том, что Матушка Дун годами травила меня ядом, пытаясь свести в могилу? Неужели вы узнали, как сегодня она пыталась зарезать меня, когда обман раскрылся? Отец... неужели ты наконец пришёл, чтобы восстановить справедливость и защитить своего сына?

<http://bllate.org/book/20088/2001966>